

С.Ф. Тагауров, О.С. Шерстобитова*
Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН,
ГУ Дирекция Национального археологического
и природного парка «Батаково»

**ГОРОДИЩЕ АЛЕКСЕЕВКА XIX
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО
СООТНОШЕНИЯ КРАСНООЗЕРСКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ
СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ**

Изучение красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья началось более 30 лет назад, когда на основе материала, происходящего с памятников у д. Красноозерка в южнотаежном Прииртышье была выделена одноименная культура переходного от бронзы к железу времени (Косарев М.Ф., 1976, с. 32). Позднее материалы красноозерской культуры были обнаружены и в лесостепной зоне, благодаря масштабным исследованиям поселенческих комплексов у д. Инберень (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1981, 1985) и вблизи с. Новотроицкое (Труфанов А.Я., 1984). С увеличением памятников, связанных с красноозерскими древностями, возросло и количество проблем, касающихся различных аспектов культуры. Открытые и исследованные в последнее время комплексы позволяют уточнить наши представления о процессах, протекавших в этом регионе в позднем бронзовом веке и в переходное время. В настоящее время на территории Среднего Прииртышья известно около 30 памятников (расположенных как в южнотаежной, так и в лесостепной зонах), на которых в разной степени представлена керамика красноозерской культуры. К сожалению, большинство поселений, содержащих красноозерскую керамику, известно исключительно по данным разведочных работ. Но, наравне с этим, имеются исследованные комплексы.

Особый интерес представляет городище Алексеевка XIX. Памятник был обнаружен и предварительно обследован С.Ф. Тагауровым в 1994 году. Городище расположено на территории Муромцевского района Омской области, на правом берегу р. Иртыш, на останце коренной террасы Темерьяк. Памятник состоит из двух частей – укрепленной части и напольного поселения. Вал, высотой до 1 м и шириной до 2 м и ров, глубиной 0,2–0,3 м и шириной 1–1,5 м, ограничивают собой подквадратную территорию размерами 40х40 м. С северной части городища имеется дополнительная линия рва и вала, начинающаяся от края террасы и доходящая до северо-западного угла укреплений. Расстояние между первой

и второй линиями укреплений составляет от 2 до 5 м. Работы на городище велись в течение трех полевых сезонов (1998, 2000 и 2007 гг.) и охватили более 600 кв. м. В результате, была исследована система фортификации и часть городища (Рис. 1).

Городище Алексеевка XIX имеет три разновременных комплекса. Наиболее ранний относится к эпохе поздней бронзы и по облику посуды сопоставим с пахомовско-сузгунскими древностями. Второй период существования памятника был связан с носителями красноозерской культуры, третий – с кулайским населением раннего железного века.

При зачистке материка выяснилось, что вал эпохи раннего железного века, который фиксировался с первых горизонтов, сооружен на месте более древнего рва, функционирование которого, по всей видимости, следует соотносить с культурами поздней и финальной бронзы. Заново сооружая городище в эпоху раннего железного века, поселенцы использовали имеющееся углубление от бывшего рва, который, тем самым, переместился к северу, а на месте раннего рва из земли, вынутой при копке, был сооружен новый вал. Что касается раннего вала, то его остатков мы не зафиксировали. По-видимому, он полностью оплыл в находившийся ниже по склону ров. В результате выборки рва оказалось, что его глубина незначительна и составляет в среднем 0,1–0,25 м от уровня материка, тогда как ширина составила примерно 3,2–3,3 м.

Интересующий нас красноозерский слой включал в себя остатки жилища, котлован которого представлял собой подпрямоугольное сооружение, углубленное в материк на 0,5–0,6 м, и ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ (Рис. 2). Примерная длина стен котлована: северо-западная – 8,3 м, северо-восточная – 7,3 м (до выступа в южной части стенки), юго-западная – 7,6 м (до выступа в южной части стенки), юго-восточная – 7,6 м. У юго-западной и северо-восточной стенок котлована есть полочки, которые служили основанием для деревянных рам. Относительно поверхности материка они были углублены на 0,3–0,4 м и, соответственно, возвышались над дном котлована на 0,4–0,2 м.

Как показала выборка котлована, жилище сгорело. В процессе выборки по всему периметру дна жилища зафиксированы фрагменты керамики и сосуды красноозерского облика. Из деревянной конструкции уцелела только ее периферийная часть (Рис. 3). Крыша жилища была покрыта несколькими слоями бересты, которая практически полностью сгорела и зафиксирована только в пределах трех квадратов. Стены жилища представляли собой деревянные рамы, собранные из обтесанных или расколотых пополам бревен, максимальный диаметр которых не превышал 0,4 м. Основой для рамы служили более массивные поперечные бревна без пазов. Верхние

* Работа выполнена при поддержке Фонда содействия отечественной науке.

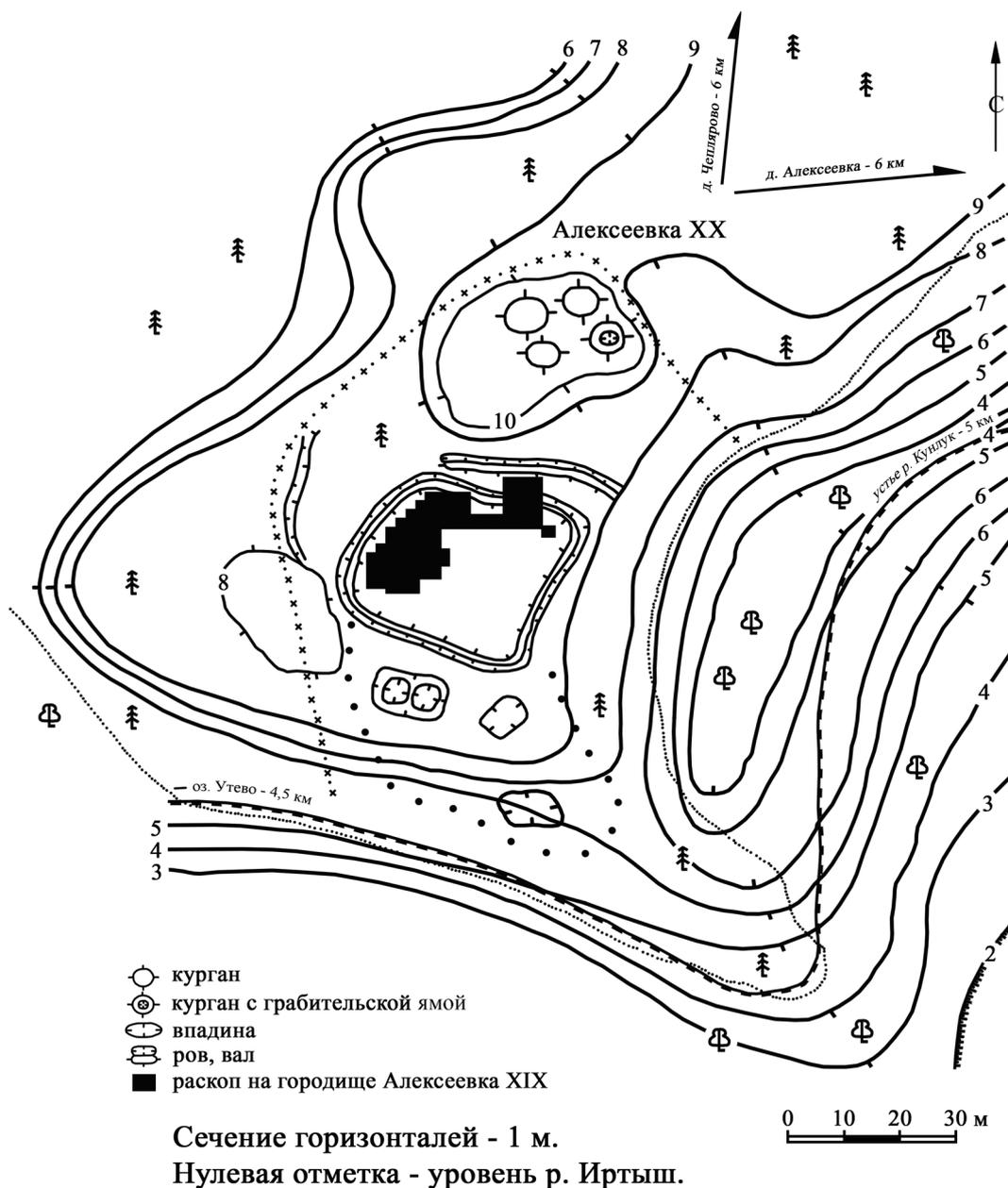

Рис. 1. Городище Алексеевка XIX. Общий план

бревна, имеющие небольшие выгесы (до 2 см), скреплялись с основой чем-то наподобие веревок. Следов самих веревок нет, но между бревнами во всех местах, где удалось проследить, есть зазоры в 1,5–2 см, что получается, когда бревна увязываются между собой тонкими веревками. Предположить ситуацию, когда бревна были ничем не скреплены нельзя, так как они не упирались в грунт в своей нижней части, а были засыпаны уже после того, как конструкция была полностью завершена.

Рамы жилища достаточно сильно варьировались по длине. Так, с юго-западной стороны южная

и северная рамы, между которыми находился вход, имели длину, соответственно, 3,2 и 7 м. На юго-восточной стороне жилища сохранившаяся часть рамы достигала в длину 2,6 м, у северо-восточной стенки – 3,1 м. Ширина рамы составляла примерно 1,2–1,3 м.

Судя по расположению рам, они были установлены под наклоном к центру жилища. Определить угол наклона сложно, но, учитывая необходимую высоту для функционирования жилища, и то, что отсутствовали столбы опоры, на которые должна была бы опираться рама при большом наклоне, очевидно, что наклон был не более 30 градусов, а держались

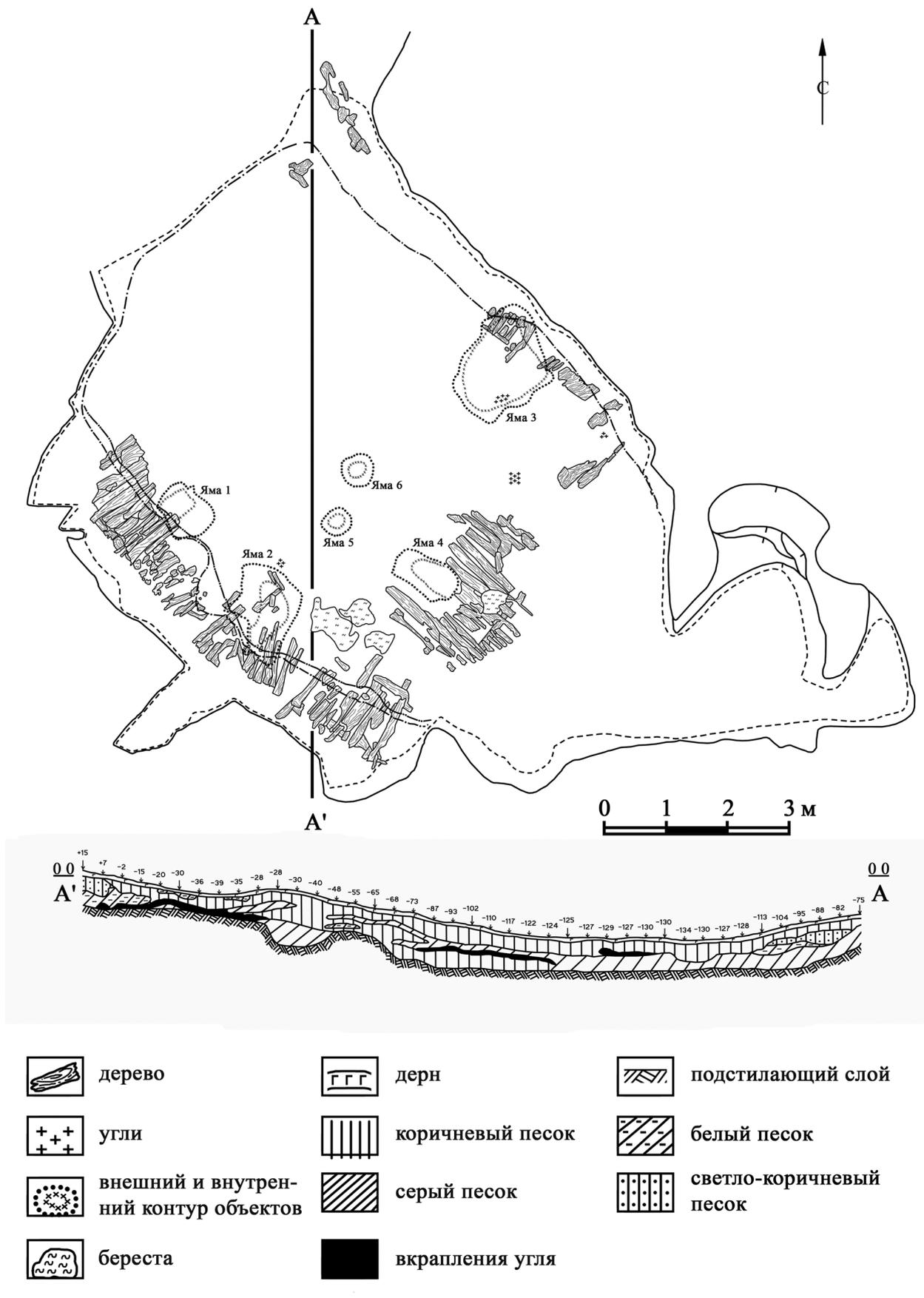

Рис. 2. Городище Алексеевка XIX. План и разрез жилища

Рис. 3. Городище Алексеевка XIX. Фото жилища. Вид с юго-востока

они благодаря опоре друг на друга. Ямок на дне жилища, которые можно было бы интерпретировать как опорные столбы, всего две. Эти ямы трудно соотнести с расположением рам и, вероятнее всего, они служили для поддержки крыши. Площадь жилища составляла примерно 60 кв. м, высота – немногим более 1,5 м.

Северо-западная стенка жилища упиралась в вал, который, одновременно, мог являться стеной жилища, тогда как край крыши в этом месте лежал непосредственно на валу. Раскопки 2007 года позволили достоверно обнаружить вход в жилище. Вход представлял собой небольшой коридор длиной около 1,2 м и шириной около 1 м, который шел параллельно стенке жилища и тем самым создавал нечто вроде «теплового барьера». Как и все жилище, сверху вход был закрыт небольшой рамой из тонких жердей, перекрытых слоями бересты и сосновой коры. Непосредственно наружу из коридора вели три ступеньки, а в месте соединения котлована и коридора обнаружено значительное скопление бересты, вероятно, закрывающей вход и представляющей остатки «двери».

В стратиграфическом отношении площадь жилища довольно сложна. Прежде всего, необходимо отметить большую насыщенность сгоревшей органикой и прокаленной глиной; слой коричневого песка, являющийся основой заполнения жилища, перемежается слоями белого и серого песка, вкраплениями угля и т.д. (Рис. 2). Исходя из отсутствия очагов в жилище, можно предположить его эпизодическое (хозяйственное, военное) использование.

В ходе исследования городища обнаружено небольшое количество вещевого инвентаря и довольно интересная керамическая коллекция.

Изделия из бронзы:

Однолезвийный нож без уступа, с прямой спинкой (Рис. 4-1). Аналогичные изделия распространены в эпоху поздней бронзы на обширной территории, в том числе в Западной Сибири (Аванесова Н.А., 1991, с. 25–27).

Двухлопастные наконечники стрел

– со скрытой втулкой и ромбическим пером (Рис. 4-2);

– с выступающей втулкой и лавролистным пером (Рис. 4-3).

Аналогии как первому, так и второму экземпляру хорошо известны в материалах памятников финальной бронзы Среднего Прииртышья, включая собственно красноозерские поселения (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, рис. 9). Одновременное нахождение в пределах одного поселенческого комплекса двух разных типов бронзовых наконечников стрел очередной раз подтверждает выводы уральских археологов и А.Я. Труфанова об одновременном существовании у красноозерского населения, как минимум, двух бронзолитейных традиций – «раннескифской» и «протокулайской» (Там же, с. 123; Труфанов А.Я., 1990, с. 103–104). Как нам представляется, подобная ситуация характерна и для традиций переходного времени в Барабинской лесостепи (Чича..., 2004).

Изделия из глины:

Антропоморфное изделие (фрагмент) (Рис. 4-4).

Подобные вещи имеют широкое бытование в Западной Сибири на финальном этапе бронзового века и в переходное время. Обломок нижней части антропоморфной фигурки найден в поселенческом слое Инберени V (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, рис. 5-11), многочисленные аналогии обнаруживаются

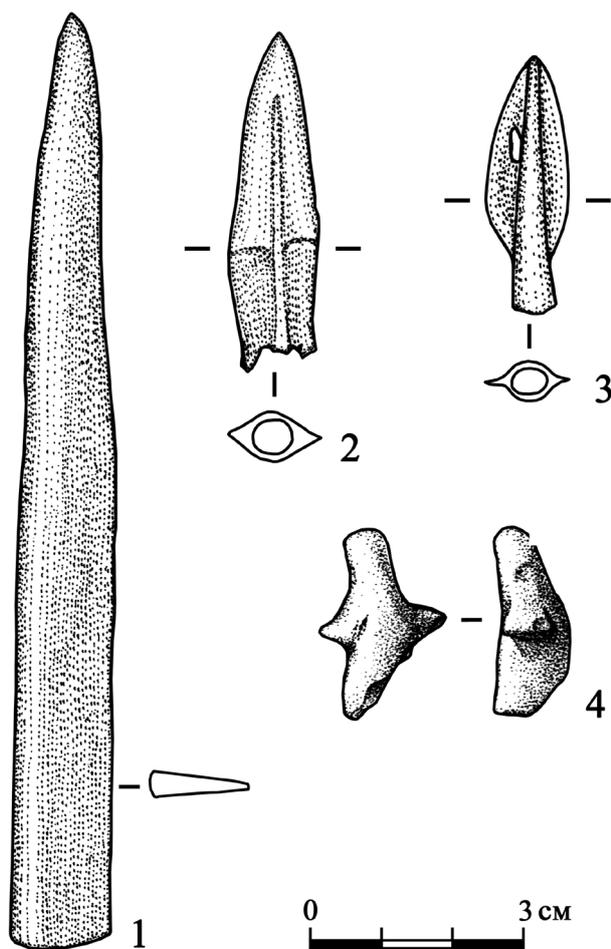

Рис. 4. Городище Алексеевка XIX. Инвентарь.
1, 2, 3 – бронза; 4 – глина

среди материалов переходного времени городища Чича-1 (Чича..., 2004, рис. 155-3, 5, 6; 164-9 и др.).

Однозначно с красноозерской культурой мы можем связать только бронзовые наконечники стрел. Прочий инвентарь имеет более расплывчатые культурные характеристики, тем не менее, вполне соответствующие позднебронзовому и переходному времени. Исходя из этого, мы сочли целесообразным опубликовать вещевой инвентарь Алексеевки XIX, хронологически сопоставимый с обнаруженными на городище пахомовско-сузгунскими и красноозерскими древностями. Этому не противоречит и сам облик красноозерской культуры (инберенского этапа), который, по сути, с технологической точки зрения остается еще вполне позднебронзовым (Труфанов А.Я., 2003, с. 385).

Керамика. К красноозерской культуре относятся фрагменты от 97 сосудов*. Исходя из особенностей орнамента, в керамическом комплексе Алексеевки XIX выделяются шесть групп.

Первая группа (49,5%) представлена сосудами, горизонтальные линии, выполненные гладким (Рис. 5-2-4, 5, 6; 9-6, 11) или гребенчатым штампом (Рис. 5-1, 7; 6-1-3, 5, 6, 10, 11; 9-2). На некоторых сосудах группы (чаще всего в придонной и в нижней части тулова) такие узоры переходят в качалку (Рис. 5-8; 6-9, 12; 9-10). Встречается посуда, на которой гребенчатый штамп видоизменяется в фигурный (Рис. 6-4, 8). Обнаруживаются также сосуды, в орнаментации которых горизонтальные линии исполнены с помощью протаскивания гребенки (Рис. 6-6). В целом, на посуде группы несколько преобладает гребенчатая техника (58,3%), а сами сосуды представлены как крупными формами, достигающими в диаметре 35 см, так и миниатюрными, диаметр которых не превышает 11 см. При средней толщине стенок 0,5–0,7 см, на эту же группу приходится самые толстостенные образцы (до 1,5 см) (Рис. 5-3).

Вторая группа (15,5%) включает красноозерскую посуду, украшенную струйчатым и специфическим «псевдоструйчатым» фигурным штампом, который, по всей видимости, образован за счет различной постановки гребенчатого орнамента. На орнаментальном поле сосудов штампы образуют горизонтальные (Рис. 6-7; 7-7, 11), вертикальные и наклонные ряды (Рис. 7-4, 9, 10, 12), зигзаги (Рис. 7-1, 14) и взаимопроникающие треугольники (Рис. 7-5, 8). На многих экземплярах эти элементы встречаются в сочетании (Рис. 7-3, 6 и др.).

В *третью группу* (4,1%) мы объединили посуду, украшенную гладкоштампованными узорами в виде плотной косой сетки, которая, как правило, занимает основную зону тулова, а иногда и шейку сосуда (Рис. 8-1-5, 8). Следует отметить, что за счет неоднократного повторения этого узора на орнаментальном поле, «сетчатая» посуда выглядит очень нарядно. Чаще всего сетчатый орнамент покрывает небольшие и средние (до 25 см в диаметре), хорошо профилированные низкогорлые сосуды.

Четвертая группа (2,3%) представлена посудой с луночной и отступающей техникой орнамента (Рис. 9-14-16). Как правило, элементы узора представлены горизонтальными линиями, либо расположены в шахматном порядке.

К *пятой группе* (2%) относится посуда, орнаментированная фигурным штампом в виде креста, образующего плотные многорядные композиции (Рис. 8-6, 7). Следует отметить, что на всех известных поселениях красноозерской культуры Среднего Иртыша мы, хоть и в разной степени – от 16% на Инберени V до 1,5% на Инберени VI (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 107, 116), но обнаруживаем «крестовую» группу посуды. Главным образом, косой штампованный крест образует на сосудах различного рода геометрические композиции (ромбы, треуголь-

* Количество сосудов определено по шейкам.

ники, зигзаги), и лишь иногда – горизонтальные ряды, служащие, наравне с ямками, разделителями орнаментального поля (Там же, рис. 3-1, 7, 10 и др.). На Алексеевке XIX мы сталкиваемся с противоположной ситуацией – посуда группы украшена исключительно горизонтальными рядами «крестового» штампа.

В шестую группу (24,7%) мы, довольно условно, включили красноозерскую посуду, по разным причинам не вошедшую в основные группы. В первую очередь, это – сосуды с чертами смешения узоров из разных групп, что не позволяет нам выделить преобладания чего-то одного (Рис. 9-1, 4, 5, 7-9, 12, 13). В частности, интересен сосуд, в равной степени украшенный как фигурным штампом «змейка», так и многорядными горизонтальными линиями (Рис. 9-5), или сосуды, шейка которых демонстрирует преобладание одного, а тулово – абсолютно другого узора (Рис. 9-4, 8, 12). Кроме этого, в шестую группу объединена посуда, не представляющая устойчивых канонов в орнаментальном отношении и, таким образом, не образующая отдельных серий (Рис. 9-4, 13 и т.п.).

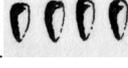
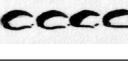
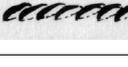
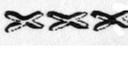
Любопытна группа сосудов, вызывающая определенные иткульские ассоциации (Рис. 7-1, 2, 5, 7, 8; 9-1). В небольшом количестве аналогичные изделия известны среди материалов Инберени VI (Там же, с. 116–117, рис. 4-13) и Новотроицкого I поселения

(Труфанов А.Я., 1984, с. 72–73). Правда, на Инберени VI такая посуда явно импортная, имеющая в тесте примесь талька, тогда как в нашем случае тальк в составе формовочных масс не прослеживается. Возможно, на Алексеевке XIX посуда иткульского облика имеет местное прииртышское происхождение.

В качестве сопутствующих мотивов на красноозерской посуде чаще всего использовались различные комбинации ямочных или луночных орнаментов, вертикально поставленные и наклонные оттиски штампа. Различным сочетанием ямочных и луночных вдавлений украшено 96% сосудов. При этом преобладают орнаменты (часто сочетающиеся на одном сосуде) в виде горизонтальных рядов одинарных (55,2%) и сдвоенных (40,2%) ямок (Табл. 1), как правило, выполняющих роль разделителя орнаментальных зон. В половине случаев (50,5%) ямочные и луночные вдавления располагаются у основания шейки, реже образуя второй ряд на ее верхнем крае (22,7%). Чаще всего именно на таких сосудах присутствуют еще три ряда ямок – в зоне плечиков (21,6%), тулова (19,6%) и в придонной части (9,3%) и, таким образом, поле сосуда оказывается разделенным, как минимум, на пять орнаментальных зон. При этом орнаменты, заполняющие шейку таких сосудов, повторяются на тулове в 50% случаев.

Таблица 1

Городище Алексеевка XIX. Количественные данные орнаментации красноозерской керамики

1. 	30%	8. 	2,3%	15. 	2,3%	22. 	2,3%
2. 	19,5%	9. 	1,1%	16. 	25,3%	23. ЖЕЛОБОК	2,3%
3. 	9,2%	10. 	9,2%	17. 	1,1%	24. ВАЛИК	16,1%
4. 	64,3%	11. 	7%	18. 	55,2%	25. ПРОЧЕРЧ.	39%
5. 	11,5%	12. 	3,4%	19. 	40,2%	26. ГЛАДКИЙ ШТАМП	81,6%
6. 	5,7%	13. 	3,4%	20. 	2,3%	27. ГРЕБЕНЧ. ШТАМП	36,8%
7. 	20,7%	14. 	4,6%	21. 	8%	28. ОТСТУП.	7%

Универсальным мотивом в зоне плечиков являются вертикально поставленные (20,7%) и наклонные (64,3%) оттиски штампа, присутствующие на большей части красноозерской посуды. В ряде случаев, располагаясь в зоне перехода от шейки к плечикам, эти орнаменты образуют нечто вроде «воротничка»

(Рис. 7-11, 13; 8-5). Интересной чертой является наличие наклепного или формованного валика (16,1%), который присущ, главным образом, сосудам из первой группы и полностью отсутствует на посуде, украшенной сетчатыми узорами. Как правило, поверх валика наносился узор в виде небольших наклонных насе-

чек, иногда образующих горизонтальную «елочку» (Рис. 5-6, 7), но чаще валик с одной-двух сторон обрамлялся рядами прямо поставленных, либо наклонных оттисков (Рис. 5-1, 2; 6-1; 7-10; 8-7). Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, придонная часть либо не орнаментировалась вовсе, либо имела разреженную орнаментацию. Днища красноозерской посуды Алексеевки XIX ничем не украшались, за исключением одного случая (Рис. 7-15).

В морфологическом отношении красноозерская посуда Алексеевки XIX довольно однообразна. Главным образом, она представлена сосудами с низким (91%)* и широким (100%) горлом, имеющими слабую профилировку шейки (80%) и слабовыпуклые плечики (93,3%). К сожалению, в нашем распоряжении оказалось всего три археологически целых сосуда, на основании которых весьма сложно получить объективное представление о морфологических особенностях всего керамического комплекса городища. Тем не менее, все целые сосуды обладают малой высотой, приплюснутым туловом, высокими плечиками и узким днищем.

Говоря о планиграфии, следует отметить неравномерное распределение по площади раскопа красноозерской керамики. Достигая наибольшей концентрации непосредственно над жилищем и прилегающей к нему территории, она практически отсутствует в северо-восточной части раскопа, где, напротив, доминируют фрагменты позднебронзовой (пахомовско-сузгунской) посуды. Единственным исключением является ров, в заполнении которого обнаружено большое количество как красноозерской, так и позднебронзовой керамики.

Основные черты, свойственные красноозерской посуде Алексеевки XIX, позволяют относить материал памятника к инберенскому этапу красноозерской культуры. Прежде всего, это выражается в минимальной доле «крестовой» посуды и, напротив, в доминировании «некрестовых» групп, большинство из которых находит соответствие в памятниках Инберенского куста (в особенности, в Инберени VI) (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985) и позднего комплекса Новотроицкого I поселения (Труфанов А.Я., 1984). В первую очередь, это касается соотношения различных групп посуды в пределах отдельного поселения. Так, на перечисленных памятниках абсолютно доминирует керамика, объединенная нами в первую группу. Как отмечает А.Я. Труфанов, посуду с преобладанием узоров в виде многорядных горизонтальных линий «можно считать специфически красноозерской» (1990, с. 71). Также довольно близко процентное соотношение на трех памятниках «сетчатой» и «крестовой» групп.

* В статистические расчеты морфологических признаков вошло 45 сосудов. Терминология морфологической характеристики посуды основана на программе статистической обработки керамики В.Ф. Генинга (1973).

С другой стороны, на Алексеевке XIX в меньшей степени представлена посуда, украшенная отступающе-накольчатými и луночными орнаментами и полностью отсутствует группа сосудов с преобладанием многорядных елочных узоров. Напомним, что «елочная» группа керамики выделена среди красноозерских материалов Инберенского комплекса и Новотроицкого I поселения и отнесена А.Я. Труфановым к пятой группе красноозерской посуды (Там же, с. 72).

В отношении сосудов, объединенных нами во вторую группу, следует заметить, что на сегодняшний день нам не известно ни одного красноозерского памятника в Среднем Прииртышье, культурный слой которого содержал бы аналогичное количество керамики со струйчатой и «псевдоструйчатой» орнаментацией. Разумеется, выделение этой посуды в отдельную группу довольно условно, поскольку орнаменты, выполненные фигурным штампом, в большинстве случаев повторяют мотивы, выполняемые простым гребенчатым, либо гладким штампом. Тем не менее, исходя из немалого количества такой посуды на Алексеевке XIX, ее объединение в рамках отдельной группы было необходимо.

Сходство материалов Алексеевки XIX с наиболее поздними красноозерскими памятниками фиксируется и в особенностях использования орнаментов внутри выделенных групп. Анализируя керамические материалы красноозерских памятников у д. Инберень, М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов выделили ряд признаков, имеющих определенное хронологическое объяснение. Материалы Алексеевки XIX полностью подтверждают выводы исследователей относительно увеличения в орнаментации посуды удельного веса сдвоенных (строенных) ямок, штампованной «струйки» («псевдоструйки») и, напротив, заметного сокращения в использовании «креста», сетчатого узора (1985, с. 115–116, 122). Добавим, что очевидной тенденцией к сокращению обладают также различного рода «елочные» орнаменты.

Весьма противоречивы данные исследователей относительно количественной динамики красноозерских сосудов с дугообразно выгнутой («молчановской») шейкой. Как отмечает А.Я. Труфанов, по мере развития культуры удельный вес такой посуды увеличивается (1984, с. 59), по данным М.Б. Абрамовой и В.И. Стефанова – уменьшается (1985, с. 122). Материалы Алексеевки XIX, как будто, подтверждают выводы уральских археологов о количественном сокращении «молчановских» форм посуды (до 3,1% на городище). При этом на 11,3% сосудов нами было зафиксировано так называемое ребро жесткости, расположенное с внутренней стороны сосуда на месте стыковки шейки и тулова. По данным А.Я. Труфанова, парная корреляция ребра и дугообразной шейки выявила наличие связи с вероятностью 99,9%

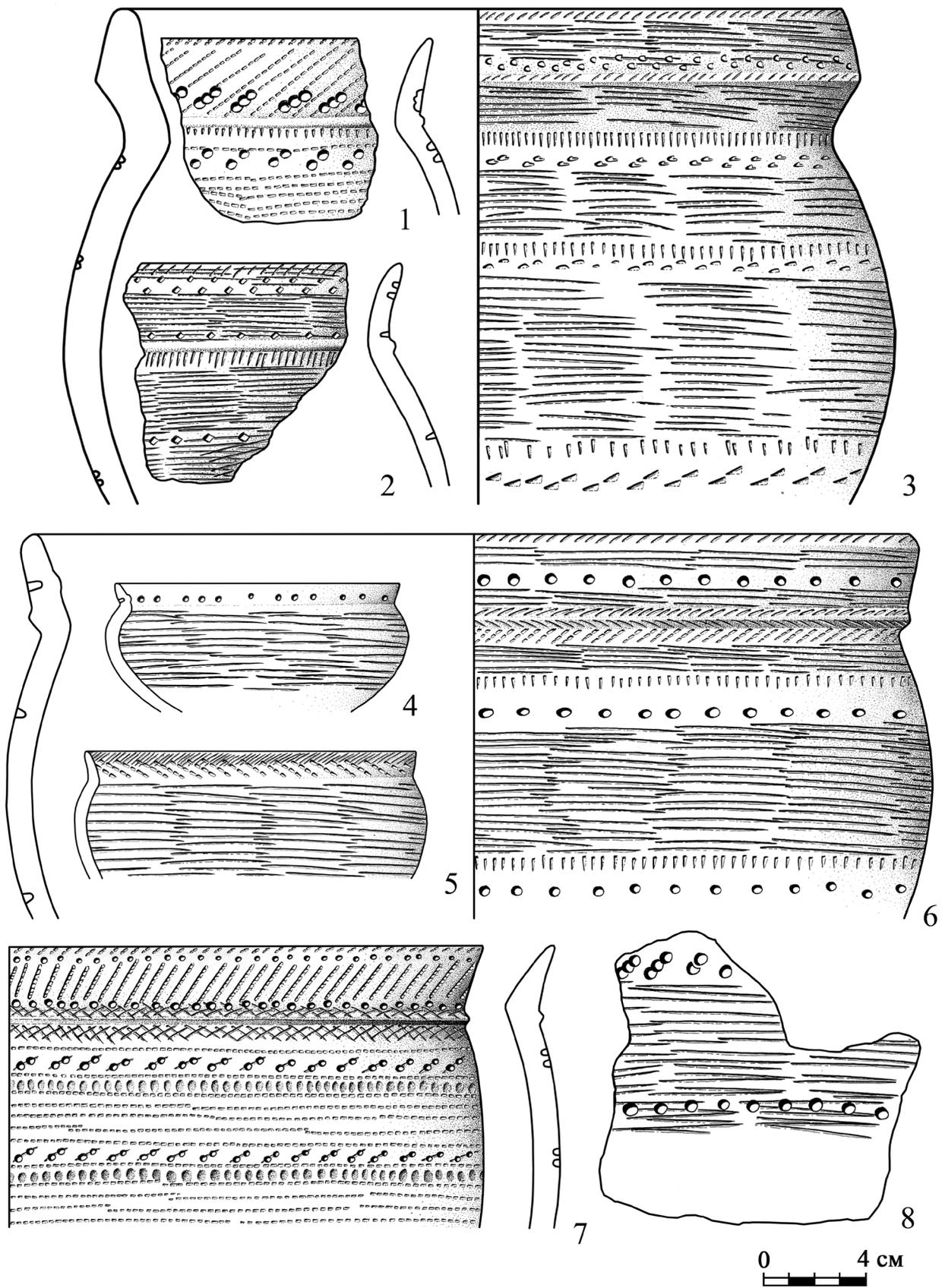

Рис. 5. Городище Алексеевка XIX. Керамика

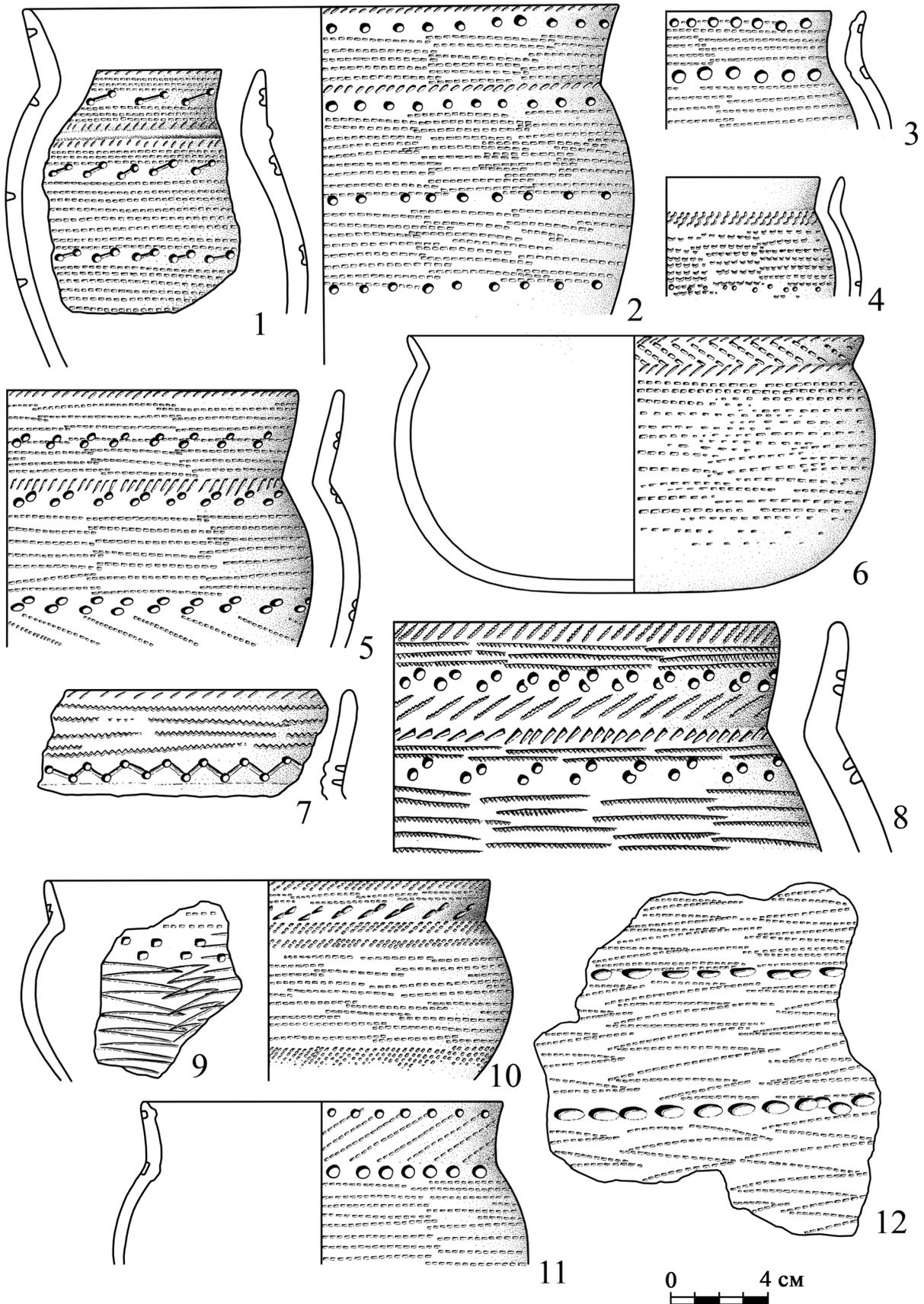

Рис. 6. Городище Алексеевка XIX. Керамика

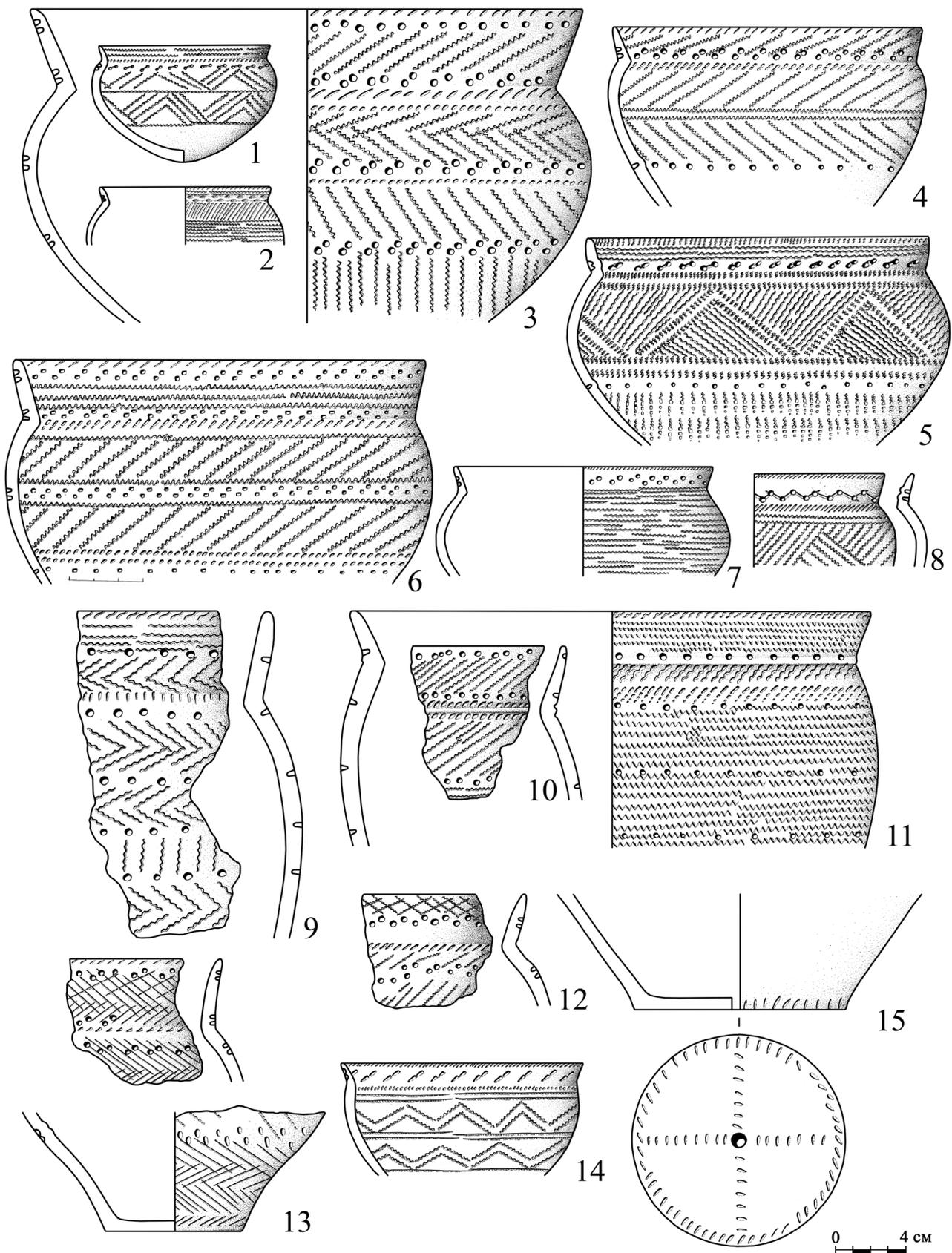

Рис. 7. Городище Алексеевка XIX. Керамика

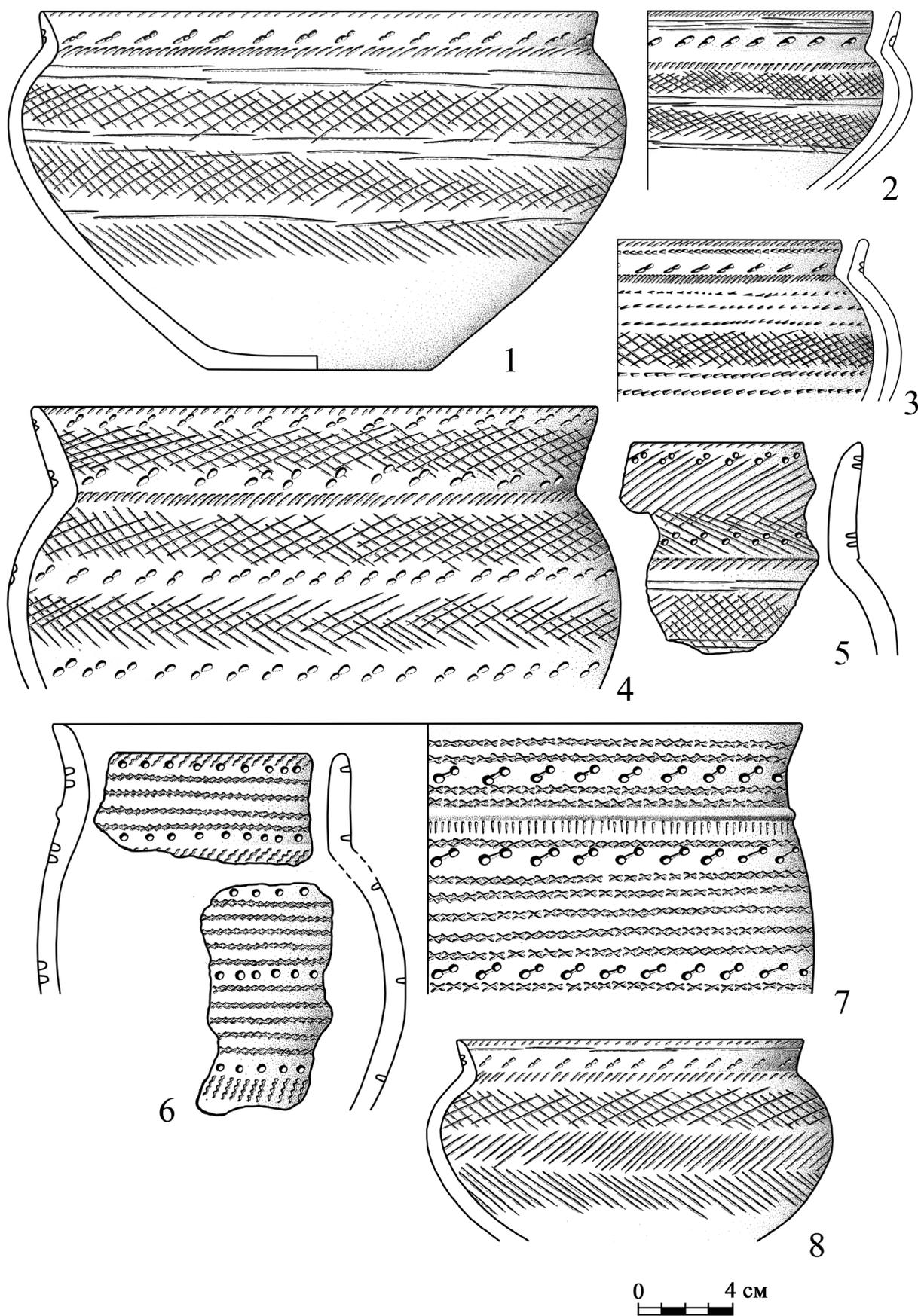

Рис. 8. Городище Алексеевка XIX. Керамика

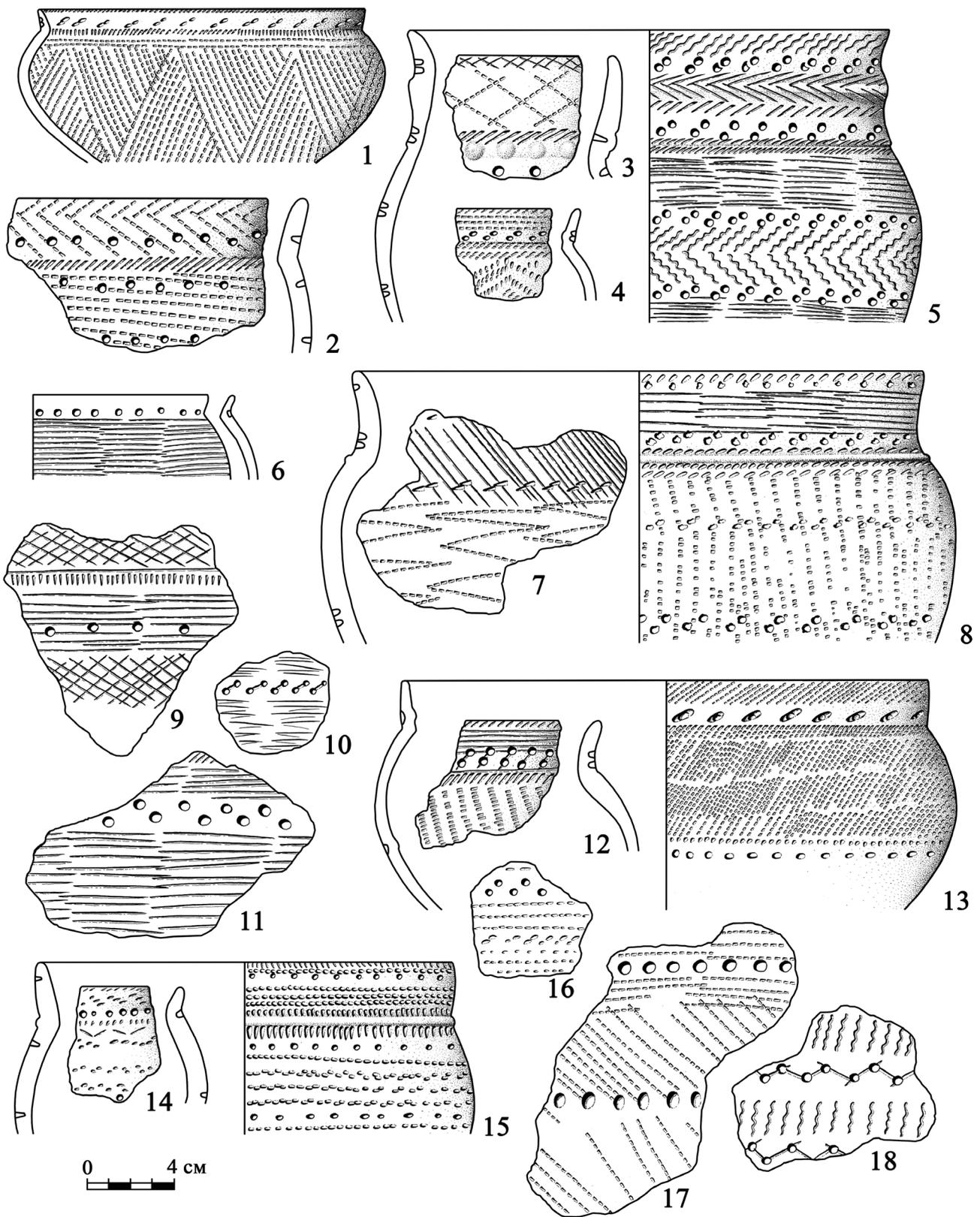

Рис. 9. Городище Алексеевка XIX. Керамика

(1990, с. 78). Согласимся, что наличие ребра жесткости, вероятно, «связано и со степенью раздутости тулова и со степенью отогнутости шейки» (Там же, с. 78–79), но в нашем случае на Алексеевке XIX наличие одного признака (дуга) вовсе не подразумевает обязательного присутствия второго (ребро жесткости). Возможно, данная особенность также обуславливается хронологическими причинами, – размытием одних схем красноозерской посуды и формированием других. Вполне допустимо, что наличие закономерной связи «дуга-ребро жесткости», действительно, имело место на определенном этапе существования красноозерской культуры, но, как на начальной стадии (Хутор-Бор I) (Труфанов А.Я., 1983), на завершающем этапе культуры эти признаки нивелируются вновь. Количество сосудов с «молчановской» шейкой на Алексеевке XIX в шесть раз меньше, чем на Инберени VI и в девять раз меньше, чем в материалах Новотроицкого I поселения, что также может свидетельствовать в пользу более поздней хронологической позиции Алексеевки XIX.

С другой стороны, при анализе красноозерских материалов всегда необходимо учитывать специфические особенности самой культуры, заключающиеся в весьма мобильном, неустойчивом наборе основополагающих черт, что во многом обуславливается многокомпонентным, синкретичным характером ее формирования. Исходя из этого, очевидные различия в облике красноозерской посуды между поселенческими комплексами не всегда могут быть объяснены исключительно хронологическими причинами. Все же в нашем случае синхронизации Алексеевки XIX с памятниками типа Инберень VI не противоречат данные вещевого инвентаря и керамического комплекса городища. Широкое бытование обнаруженных в слое городища бронзовых наконечников стрел относится к концу VIII–VI вв. до н.э. (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 123). Именно этим временем, по аналогии с памятниками Инберенского куста (в особенности, с Инберенью VI), следует датировать красноозерские материалы Алексеевки XIX. Вероятно, красноозерский период существования городища не был продолжительным. Об этом говорит не только сравнительно небольшая коллекция посуды, но и ее относительно своеобразные типологические характеристики*, исходя из совокупности которых мы относим Алексеевку XIX к одному из самых поздних памятников инберенского этапа культуры на территории Среднего Прииртышья.

Обобщая керамические характеристики собственно инберенского этапа красноозерской культуры, отметим основные:

* Большой удельный вес струйчатой и «псевдоструйчатой» посуды, мизерная представленность «крестовой» и полное отсутствие «елочной» группы, морфологические видоизменения сосудов, исчезновение дугообразной шейки.

1. Наличие в керамическом комплексе ряда довольно устойчивых, сформированных орнаментальных моделей, которые, несмотря на различное соотношение между памятниками, вполне четко распределяются по нескольким группам. Из этих групп наиболее каноничной является посуда, объединенная нами в рамках первой и третьей групп. При этом в количественном отношении первая группа практически всегда преобладает на памятнике.

2. Обязательное присутствие горизонтальных рядов ямочных вдавлений, разделяющих орнаментальное поле сосуда, как минимум, на четыре-пять зон. Наравне с одинарными, большим удельным весом обладают сдвоенные и строенные ямочные узоры.

3. Частое дублирование в пределах орнаментального поля одного сосуда композиций, размещенных на шейке и тулове.

4. Значительное уменьшение и модификация «крестовых» орнаментов, связанная с исчезновением «крестового геометризма», и преобладанием простых многорядных линий, выполненных крестовым штампом.

Перечисленные особенности в полной мере конгруэнтны характеристикам всех известных на данный момент красноозерских (инберенских) памятников лесостепного Прииртышья. Основная особенность, отличающая лесостепные комплексы красноозерской культуры от южнотаежных, заключается не только, и не столько в доминировании «некрестовых» групп посуды на лесостепных инберенских памятниках. «Некрестовая» красноозерская посуда известна и в южнотаежной (Красноозерки, Конашевка III и др.), и в предтаежной (Надеждинка V, Алексеевка I) зонах, но, несмотря на отсутствие «креста», она абсолютно лишена орнаментальных моделей, характеризующих собственно инберенскую керамику. Посуда инберенского этапа культуры 1) вполне отчетливо распределяется по нескольким группам и 2) представляет *результат* взаимодействия пришлой («крестовой») и местной (сузгунской и ирменской)** традиции (Труфанов А.Я., 1983, с. 76), когда в красноозерской орнаментике, наряду с сузгунскими и ирменскими элементами, нашли воплощение многие «возродившиеся» черты, восходящие еще к доандроновскому хронологическому горизонту: отступающая и прочерченная техника, ряды «шагающей» и «проташенной» гребенки (Труфанов А.Я., 1984, с. 67). Именно на инберенском этапе эти традиции, являясь *специфической чертой* красноозерской посуды, придали ей особый колорит, проявившийся в лесостепных материалах. В этой связи «некрестовую» посуду южнотаежного Прииртышья, лишенную упомянутых инберенских канон, мы рассматриваем в качестве *переходной*, во многом обусловившей пути формирования инберенских

** Говоря об ирменской культуре, мы, в первую очередь, имеем в виду ее среднеиртышский (розановский) вариант.

древностей в лесостепной и в предтаежной зоне (подробнее см.: Полеводов А.В., Шерстобитова О.С., 2007). Особенностью этой переходной группы является ее совместное нахождение с сузгунской (в лесной) и с сузгунско-ирменской (в предтаежной зоне) посудой, что, одновременно, указывает на относительную хронологическую позицию переходной группы и свидетельствует о весьма интенсивных контактах красноозерского и сузгунско-ирменского населения. Но, как выяснилось, судьбы красноозерских древностей в лесной и лесостепной зонах разошлись, и сюжет, связанный с формированием собственно красноозерской культуры, имел место лишь в лесостепном и в предтаежном Прииртышье.

Именно материалы Алексеевки XIX «маркируют» северную границу распространения групп

посуды, характерных для лесостепных инберенских памятников. Севернее предтаежного Прииртышья не обнаружено красноозерских памятников с наличием *инберенских* традиций в их керамических характеристиках. По сути, это объяснимо и связано с основной территорией распространения «местного» (ирменско-сузгунского) компонента красноозерской культуры. Соответственно, ареалы лесных и лесостепных красноозерских памятников частично накладываются друг на друга именно в предтаежной зоне, тогда как в хронологическом отношении лесостепные красноозерские комплексы значительно «переживают» южнотаежные, где в это время на основе местных, позднесузгунских и красноозерских («крестовой» и переходной групп) традиций, начинается процесс формирования журавлевских древностей.

Литература

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 92–97.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–136.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 1976. 31 с.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. К проблеме соотношения лесных и лесостепных памятников красноозерской культуры Среднего Прииртышья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы

Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 176–179.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор-Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1983. С. 63–76.

Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 57–77.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: КемГУ, 1990. Рукопись. 203 с.

Труфанов А.Я. К проблеме содержания понятия «переходное время к железному веку» // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. I. С. 384–386.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. 2. (Материалы по археологии Сибири). 336 с.